

ВРЕ
МЯ
★ ЛП
★ БМ

P₂

ГРЕМЕЛИ БОИ

СТИХИ

Центр
им. А. М. Горького
Дворца культуры
Детской
Кемер. обл.

Кемеровское

книжное издательство

1975

44127

В этой книге собраны стихи тех, чьи судьбы опалены суровым огнем Великой Отечественной войны.

Не все из них профессиональные литераторы, но строки их ценны хотя бы тем, что рождены суровым временем.

Биографии большинства авторов сборника связаны с Кузбассом. В книгу включены также стихи поэтов Н. Тихонова и В. Гордейчева, написанные о воинах-кузбассовцах.

Составитель
Г И. МАХАЛОВА

Оформление
ВЛАДИМИРА БЕЛЯЕВА

Г $\frac{0732-15}{\text{М } 145(03)-75}$ -26-75

© Кемеровское книжное издательство, 1975

РОССИЯ

Я много жил,
Прожить бы столь же,
Себя от всех не отделию.
Чем на земле живу я дольше,
Тем больше я тебя люблю.
Ты с каждым годом все красивей,
Милей, чем солнце поутру.
И имя гордое — Россия
Звенит,
Как знамя на ветру.

Вас. Федоров

В ОГНЕ
РОЖДЕННАЯ
СТРОКА

ГЕОРГИЙ ДОРОНИН

Журналист из Новокузнецка, сражался, работал во фронтовой газете, в походной типографии напечатана его поэтическая книжечка „Сыны Отечества“ Погиб на передовой в августе 1943 г.

Страна родимая — Россия!
Цветами убранный шатер.
Неописуемо красивый
Полей и рек твоих простор.

Твоей с вином янтарной чаши
Не расплескал никто вовек.
Живет среди лесов и пашен
Здесь русский гордый человек.

Объятый жаждой созиданья,
Он строит села, города.

Своей страны на поруганье
Врагу не выдаст никогда.

Он биться с недругами будет,
Пока в глазах горят лучи.
Вот о таких о русских людях,
Строка, металлом зазвучи!

Над голубой поляной рея,
Снижался тихо белый снег
На одинокой батарее
Их было двадцать человек.

Они пришли и на закате
Здесь стали — воины в строю,
Чтоб защищать на этом скате
Свой край и родину свою.

И разгребая снег лопатой,
Установили пушки тут.
И замполит сказал ребятам:
— Здесь мы. Здесь немцы

не пройдут!

Был день по-летнему погожий.
И солнцу радуясь вдвойне,
Одно мгновение, быть может,
Мы позабыли о войне.

И в этот миг разбойной стаи
К нам тень упала на поля.
Немецкой раненная сталью,
От боли вздрогнула земля

В борьбе погибли наши братья,
Отчизны жизнь храня и честь.
Убийцам — вечное проклятье!
Пылай в груди, святая месть!

Жить будем мы и наши дети,
И близок тот счастливый день,
Когда с истерзанной планеты
Сойдет фашизма злая тень.

Тогда на каждом пепелище
Мы силой братского труда
Воздвигнем вновь свои жилища,
Зальем асфальтом города.

И от фашистского насилья
Освобожденная земля
Для нас наполнит изобильем
Свои бескрайние поля.

1942

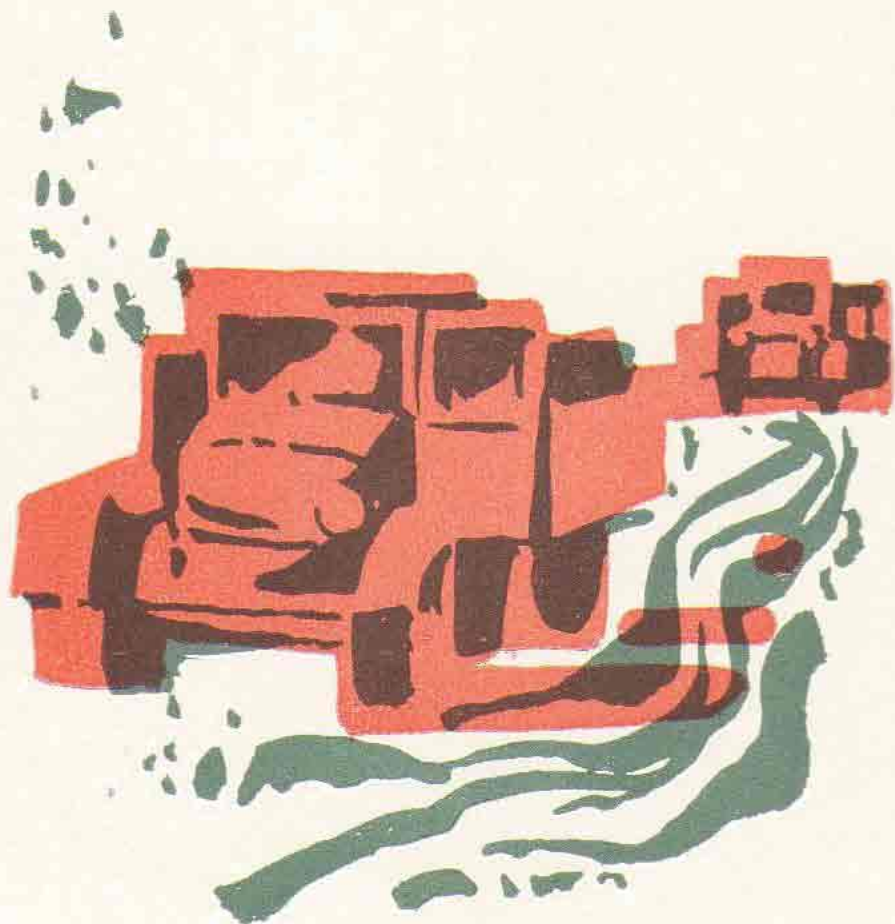
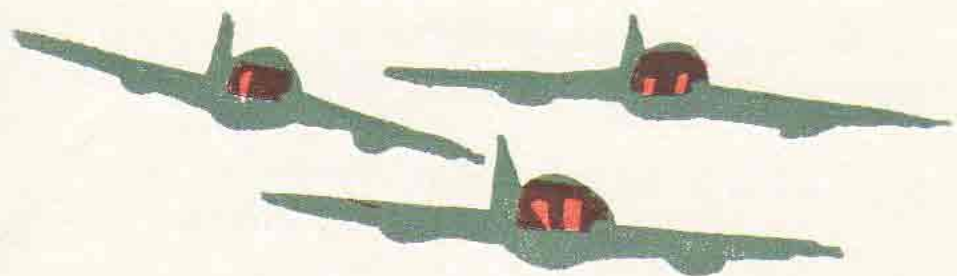
ВЛАДИМИР ЧУГУНОВ

Машинист врубовой машины одной из шахт Анжеро-Судженска, автор сборника стихов „Горячий камень“ (1939 г., Новосибирск), во время Великой Отечественной войны командир стрелкового взвода. Погиб 5 июля 1943 года на Курской дуге.

Над головою пуля просвистела, —
Шальная иль прицельная она?
Но, как струна натянутая, пела
Пронизанная ею тишина.

Меня сегодня пуля миновала,
Сердцебиенье успокоив мне.
И тотчас же в лесу закуковала
Веселая кукушка на сосне.

Все распри сводятся на нет
Артиллерийской перестрелкой.
Сияет ярче дружбы свет,
И места нет корысти мелкой.

Мы в дни войны сошлись втроем —
Равно бедны, равно богаты, —
Грустим, смеемся и поем
Под потолком крестьянской хаты.

А завтра в бой!
Быть может, смерть
Свершит над кем-нибудь расправу.
Он упадет на землю, в травы,
Но жаворонок будет петь,

Цвести ромашки, незабудки,
И многодумный лес шуметь...
С судьбой теперь плохие шутки:
Здесь очень просто умереть.

И если первым буду я
Судьбой отторгнут от событий,
То вы, товарищи-друзья,
Меня в час встречи помяните.

А коль возьму над смертью власть,
Ток животворных сил почуя,
Всю поэтическую страсть
Вот в эти строки уложу я.

1 мая 1943

с. Первомайское

В РАЗВЕДКЕ

Памяти Леонида Нуриева

С суровым, озабоченным лицом
Он у сосны надламывает ветку
Сегодня ночью уходить в разведку,
Брать «языка» за Северным Донцом.

Сегодня ночью...
А пока что синий
В бору сосновом шел на убыль
день.

И в чаще, смешивая четкость
линий,
Ложилась фиолетовая тень.

Комбат спросил:
— Как думаешь, Нуриев,

Удастся ли разведка в этот
раз?..

Он, думу невеселую развеяв,
С улыбкой ясной посмотрел на нас.

— Пойду, — сказал он
с твердостью солдата,
Опять по-детски весело смотря.
Таким веселым был он до заката,
Не зная, что сулит ему заря.

Разведчики ушли...
Над ними месяц новый
Глядел из золоченой полумглы.
Светящиеся пули в бор сосновый
Влетали и впивались в стволы.

Он не мечтал об орденах и славе,
Отважным был он, Родины солдат
И в этой вот последней
переправе
В решениях был твердым, как
всегда.

Когда ж рванула перед ним
граната
И падал он на землю вниз лицом,
Он знал, — за это отомстят
ребята
Там, на холмах, за Северным
Донцом.

23 апреля 1943
Северный Донец

44127
Центр культуры
им. А. С. Пушкина
Дворца культуры
Ленинск-Кузнецкий Кемер. обл.

ПОСИДЕЛКИ

Натопили избу жарко,
Лампу-молнию зажгли...
Все колхозные товарки,
Чтоб связать бойцам подарки,
В избу с вечера пришли.

Поседевшие старухи
На скамью уселись в ряд,
Разговаривают глухо,
Но проворно ходят руки,
Веретёна в них гудят.

Тёс пощелкивает в сенях.
В раме
ясный диск луны.

И на выбеленных стенах
Мастериц косые тени
Ощутимы и черны.

Пряли молча.
Молодухи
Замечтались о мужьях,
Внуков вспомнили старухи, —
Неплохие ходят слухи
О любимых казаках.

Казакам же, может, снится
После боя сладкий сон,
Как в родной степной станице
Пряжу пряли мастерицы
Под жужжанье веретён.

1942

Прошлой ночью вокруг месяца
Было желтое кольцо.
Нынче злая выюга бесится
И швыряет снег в лицо.

Замело тропинки узкие,
Все дороги замело,
И мороз в просторы русские
Бросил синее стекло.

Шел обоз, копыта цокали,
Пели скаты у саней.
— Земляки мои, далеко ли
Вы торопите коней?

Что ни дальше, то морознее
И убродней зимний путь.
Вы устали, время позднее,
Не пора ли отдохнуть?

Ударяя рукавицами
О тулуп, сказал старик:
— Не должны остановиться мы,
А поедем напрямик.

И, взглянув вперед спокойно,
Щелкнул смерзшимся бичом.
— Вещи теплые для воинов
Красной Армии
везем!..

1942

С В Е Т Л А Н А

Я друзей обманывать не стану:
Сердце не грубеет на войне —
Часто дочь, трехлетняя Светлана,
Среди сна является ко мне.

Теплая и нежная ручонка
Норовит схватиться за рукав...
Что скажу я в этот миг, ребенка
На коленях нежно приласкав?

Что не скоро я вернусь обратно,
А возможно, вовсе не вернусь?
Так закон диктует в деле ратном:
«Умирая, все-таки не трусь!»

Может быть, в журнале иль
в газете,
Желтых от событий и времен,
Дочь моя, читая строки эти,
Гордо скажет: «Храбро умер он!»

А еще приятней, с нею вместе
Этот стих короткий прочитав,
Говорить о долге, славе, чести,
Чувствуя, что был тогда ты прав.

Я друзей обманывать не стану:
Сердце не грубеет на войне —
Часто дочь, трехлетняя Светлана,
Среди сна является ко мне...

1943

ПОСЛЕ БОЯ

После грома взрывов, после боя,
Выдыхая дым пороховой,
Смотрим мы на небо голубое —
Облака плывут над головой.
А в затихшем орудийном гуле,
Что в ушах еще моих звенит,
Вся страна в почетном карауле
Над убитым воином стоит.

10 мая 1943

с. Первомайское

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Эта „Баллада...“ написана известным советским поэтом в 1942 году в честь воинов-новокузнецчан, Героев Советского Союза Ивана Саввича Герасименко, Александра Семеновича Красилова, Леонида Арсентьевича Черемнова, 29 января 1942 года закрывших своими телами амбразуры вражеских дзотов.

БАЛЛАДА О ТРЕХ КОММУНИСТАХ

Герасименко, Красилов,
Леонтий Черемнов —
Разведчики бывалые,
поход для них не нов.

Стоят леса зеленые,
лежат белы снега, —
В них гнезда потаенные
проклятого врага.

Зарылись дзоты серые,
переградив пути,
Ни справа и ни слева их
никак не обойти.

Зарылись норы вражьи
в приволховском песке,
На них идут разведчики,
гранату сжав в руке.

То дело им знакомое —
и в сердце ровный стук,
Когда гуляют громы их
гранатные вокруг

Гуляют дымы длинные
меж узких амбразур,
И трупы немцев синие
валяются внизу.

И снег как будто глаже стал,
и небо голубей, —
Бери оружие вражье,
повертывай — и бей.

И взвод вперед без выстрела, —
но тотчас взвод залег,
Попав под град неистовый
из новых трех берлог

Герасименко, Красилов,
Леонтий Черемнов —
Все трое в то мгновение
увидели одно:

Что пулеметы вражьи
из амбразур не взять,
Что нет гранаты даже —
и медлить им нельзя!

Что до сих пор разведчики,
творя свои дела,
Не шли туда, где легче им, —
куда война вела.

И вот сейчас на подвиг
пойдут в снегах глухих
Три коммуниста гордых,
три брата боевых.

Герасименко, Красилов,
Леонтий Черемнов
Глядят на дзоты серые,
но видят лишь одно:

Идут полки родимые,
ломая сталь преград,
Туда, где трубы дымные
подъемлет Ленинград,

Где двести дней уж бьется он
с фашистскою ордой
И над врагом смеется он
смертельной красотой.

Спеши ему на выручку!
Лети ему помочь
Сквозь стаи псов коричневых,
сквозь выюгу, битву, ночь!

И среди грома адского
им слышен дальний зов:
То сердце ленинградское
гудит сквозь даль лесов!

И оглянулись трое:
и, как с горы видна,
Лежит страна героев,
родная сторона.

И в сердце их не прежний,
знакомый, ровный стук, —
Огнем оделось сердце,
и звон его вокруг

И ширится с разлету
и блещет, как заря, —
Не три бойца у дзотов,
а три богатыря.

Навстречу смерть им стелется,
из амбразур горит,
Но прямо сквозь метелицу
идут богатыри.

Вы, звери, псы залетные,
смотрите до конца,
Как ярость пулеметную
закрыли их сердца.

А струи пуль смертельные
по их сердцам свистят, —
Стоят они отдельные,
но как бы в ряд стоят.

Их кровью залит пенною,
за дзотом дзот затих,
Нет силы во вселенной,
чтоб сдвинуть с места их,

И взвод рванул без выстрела —
в штыки идет вперед,
И снег врагами выстелен,
и видит дзоты взвод.

И называет доблестных
страны родной сынов:
Герасименко, Красилов,
Леонтий Черемнов!

Темны их лица строгие,
как древняя резьба,
Снежинки же немногие
застыли на губах.

Простые люди русские
стоят у стен седых,
И щели дзотов узкие
закрыты грудью их!

1942

ТРЕВОЖНОЕ ЭХО
ВОЕННОЙ
ГРОЗЫ

МИХАИЛ БОРИСОВ

В июле 1941 года семнадцатилетним ушел на фронт, защищал Сталинград, прошел с боями до Берлина, в бою под Прохоровкой, на Курской дуге, подбил семь танков, за что был удостоен звания Героя Советского Союза, в настоящее время—военный журналист. В Кемерове издал два сборника стихов.

Лежат друзья на старых
рубежах...
А я взгляну лишь
С пристальностью строгой
На этот мир, охваченный
тревогой,
И снова растревожится душа.
И позовут призывней соловьи,
И зазвенят ручьи неповторимей,
Но где-то рядом
Явственней и зримей
Проступят годы трудные мои.

Одни — приткнувшись к берегу
Усы,

Другие —

К горлу вражеского дзота...

Они лежат

По всем земным высотам,

И нет для них ничейной полосы.

1965

Над Прохоровкой снова тишина,
Хотя хрипят обугленные танки.
И с каждым мигом явственней

слышав

Здесь колгота вороньей
перебранки.

Лежу ничком, сжимая кулаки,
И кажется, что где-то за спиною
Россия-мать глядит из-под руки
На то, что было нашей огневою.
И кое-как поднявшись во весь
рост,

И протерев глаза (от дыма,
что ли?),

Я вместе с ней гляжу,
Как на погост,
На черное истерзанное поле.

Вокруг живого места не найти.
В полсотне метров глыбою
стальнойю

Последний «тигр» застыл
На полпути.

Мы устояли...

Но какой ценою?!

И здесь, и там, доколь хватает
глаз,

С моей судьбой навек неразделимы,
Лицом вперед,
Вздыхнув последний раз,
Лежат друзья мои и побратимы,
Прикрыв собою пядь земли родной,
Они лежат в уверенности строгой,
Что грянет гром на новой огневой
И смерч взъярит над вражеской
берлогой.

А я стою, хоть день давно погас,
От жгучего бессилья каменья...

Мне память сохранила этот час,
И я склоняюсь молча перед нею.

1967

Наверно, все дело в начале!
Не зная ни ночи, ни дня,
Вдруг встанет война за плечами
И снова закружит меня.

Июль сорок третьего года...
Поднимет над Курской дугой...
Как будто не я там,
А кто-то
Похожий
И все же другой.

Вот ночью,
Присев у окопа,
Он слушает, горечью сыт,
Как стонет,
Как плачет Европа
По-бабьи открыто,
Навзрыд.

А вот он,
Используя роздых,
Баском, от волнения глухим,
Читает солдатам о звездах
Далеких поэтов стихи.

...О днях тех
Нелегкую память
До черточки каждой храня,
Привычная хмурая замять
Нахлынет не раз на меня.

И снова,
Как будто воочью,
Услышу, как трубы трубят,
Увижу за черною ночью
В бессмертье идущих ребят,
Узнаю мальчишку того я,
С кем был на короткой ноге
И кто был в то время со мною
На огненной Курской дуге.

КУРСКАЯ ДУГА

Сорок третий
Горечью полынной
На меня
Пахнул издавека.
...Черною от копоти
Равниной
Видится мне
Курская дуга.
И опять
Мне видится упрямо,
Будто в самый
Напряженный миг
К стеклам
Орудийной панорамы
Там народ
 наводчиком
Приник.

«Тигры» и «пантеры»
Дымокурят...
«Юнкерсы»

подбитые

Чадят...

Никакой другой

В такую бурю

Не сумел бы выстоять

Солдат.

Те бои —

как мера

Нашей силы...

И врагам

Вовеки не пройти,

Если все сыны

моей

России

Так стоят

На вражеском пути!

1965

НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ

Горечь давняя,
А не много ли
Накопилось тебя в груди?..
Только мне
Фронтowymi дорогами
Захотелось опять пройти.
Где траншеи — там поле
Ровное...
Заросли травой блиндажи.
Но лежит здесь
Частица кровная
Горемычной моей души.
Как же с мыслью такой мне
Свыкнуться,
Что опять поют соловьи?..

Позову, —
Может быть, откликнутся,
Отзовутся друзья мои?!
Но друзья фронтовые,
Близкие
Не услышат
Ни слов,
Ни строк.
Память серыми обелисками
Замерла
Вдоль степных дорог
В теплом дождике,
В белой замяти,
В переплеске листвы она.
И стоит
На часах у памяти
Придорожная тишина.

1973

Былых друзей ищу не первый год,
А на душе сомнения все те же —
Нам юности та встреча
Не вернет,
Согреет лишь да чуточку утешит.
Но все равно ищу друзей былых
С тревожною надеждой
И любовью,
Хотя уже давно по Заднепровью
Звонят хлеба на старых огневых.

1966

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ

Участвовал в Великой Отечественной войне с первых дней. Прошел путь от рядового пехотинца в боях на Смоленщине до командира взвода ПТР при освобождении Ворошиловграда. Член Союза писателей СССР

СТАРЫЙ СОЛДАТ

1

Прожгла ракета ближний лес —
И с вещмешком своим, с винтовкой
Он через бруствер перелез
И побежал рысцой неловкой.
Не видел он, что там, вдали,
Откуда неся скрежет стали,
Фонтаны взорванной земли
Перед глазами вырастали.

Вот кто-то вскрикнул в двух
шагах.

А он лишь чувствовал с досадой,
Что полы путались в ногах,
Что подвернуть шинель бы надо!
Он задыхался, но бежал.
Рубаха потная прилипла.
Винтовку вскидывал, стрелял,
«Ура!» выкрикивая хрипло.
Нет, не был он душой жесток,
Но, до предела разозленный,
Он, как, бывало, вилы в стог,
Всадил свой штык в мундир
зеленый!...

И тут же из последних сил
Метнулся яростно на вспышку...
Потом прикладом заслонил
Соседа — бледного парнишку...
Когда же бой затих вокруг,
Волной горячей откатился,
Он, ощущая тяжесть рук,
К стене какой-то прислонился.
Он ничего не говорил.
Стер капли пота с подбородка,
Достал кисет и закурил,
И с дымом выдохнул: — Работка!...

Шел день за днем. За боем —
бой.

Как он фашистов ненавидел!..
Он видел танки пред собой —
Последнее, что в жизни
видел...

Лежал не дома, на столе,
Не посреди своей избушки,
А на заснеженной земле,
На вечеряющей опушке.
Он был, казалось, невредим —
Ни крови рядом, ни воронки.
Снаряды фыркали над ним,
И пули чмокали в сторонке.
С руками накрест, на спине
Лежал солдат на снежном
поле.

Лицо спокойно, как во сне,
В нем ни страдания, ни боли.
Но весь его спокойный вид
Как бы кричал глухой планете:
«Нет, я не умер! Я убит!
А мог бы долго жить на
свете».

А в этот миг, сбиваясь с ног, —
Ведь столько дел! — жена
солдата

К столу подносит чугунок:
— Садитесь ужинать, ребята!
В окошко виден снежный рой.
Дремотен вечер, как
усталость...

Одна картошка. Да и той
Немного в погребе осталось.
Такой у малых аппетит!
Пыхтят и губы обжигают.
Их мать в окно на снег

глядит,
Молчит, украдкой вздыхает.
Любви и нежности полна,
Она невзгодам не сдается:
Вот скоро кончится война,
Домой кормилец их вернется.
Прислал письмо. Десяток слов
О немцах, Гитлере-бандите
И о себе: мол, жив-здоров,
Мол, к посевной с победой

ждите...

И ждет она весны большой,
Нетерпеливо дни считает
...А где-то там, где грохот,
бой,
В глазах кормильца снег не тает...

1965

Случайно в мемуарах генерала
Прочел и вздрогнул: Зайцева
гора!

Ведь наша часть ее атаковала.
Все помню я. Все было, как вчера.

Поляну мокрым снегом укрывало,
А там, в селе на взгорье,
немчура.

Бил пулемет. Свинцом нас
поливало.
Бежали и кричали мы: — Ура-а!

Стучало сердце. Гром его ударов —
В висках. И вдруг все тело обожгло.

Померк вдали зловещий дым
пожаров.

День снегопадом красным
замело...

Теперь лишь я узнал из
мемуаров:

Под вечер наши заняли село!

Помню: по заснеженной дороге
 Сталинградской выжженной земли,
 Обмотав тряпьем, рогожей ноги,
 Фрицы присмирившие брели.
 Длинная — до кромки небосклона,
 Извиваясь, страха не тая,
 Проползала серая колонна,
 Как с хребтом поломанным змея.
 Помню вражьей техники останки:
 «Мессеры», сведенные в дугу,
 Мертво скособоченные танки,
 Пушки вверх колесами в снегу...
 Все мы — от солдата до
 комбрига, —
 Видя эту свалку, этот сброд,

Верили: любителей «блицкрига»
Разобьет советский наш народ!
В эти дни крутого восхожденья
На вершины новых ратных дней
С радостью узнал я о рожденье
Кемеровской области моей.
Трепетало зарево пожаров,
И сквозь дрему, в холоде ночей,
Видел я кузнечных сталеваров,
Освещенных заревом печей.
В глубь землянок, в сумрачные
норы
Шли бойцы, закончившие бой.
Представлял: в Прокопьевске
шахтеры
В этот час спускаются в забой...
И неслись на запад смерчи стали!
И уже Берлин в тревоге стыл.
Это земляки нам помогали,
Фронту помогал сибирский тыл!

1968

Война не только все губила,
На свет бросала ночи тень —
Она и многому учила,
Что забываем в мирный день.
Окутав мир метелью лютой,
Грозя всему, что жаждет жить,
Учила каждую минутой,
Секундой каждой дорожить.
В любом — большом и малом —

деле

Все исполнять учила в срок,
Хотя уж силы на пределе,
Хотя усталость валит с ног...
Пусть по земле родимой
русской

Война не ходит никогда,

Но жить бы с полною нагрузкой
И в будни мирного труда.
Ценить, как тот глоток из
 фляжки,
Судьбой отпущенный нам срок
И не давать себе поблажки,
Не говорить: — Устал, не смог...

1972

ВЛАДИМИР ГОРДЕЙЧЕВ

Воронежский поэт, работает над поэмой о 303-й стрелковой дивизии сибиряков, в рядах которой сражались воины-кузбассовцы. Дивизия освобождала Воронеж, Харьков, Кишинев, Яссы, Будапешт, Братиславу, Прагу, форсировала около двадцати водных рубежей.

ТРИСТА ТРЕТЬЯ

(Из поэмы)

1

За всю советскую родню
в годину лихолетья
в сражение с немцем на Дону
вступила Триста третья
дивизия, сибиряки,
надежда и заступа,
в гвардейской стойкости полки
сведенные не скупю.

Их пули стылые секли,
их жег огонь-звереныш...
Они свободу принесли
в разрушенный Воронеж,
чтоб в ратных молниях-громах
весь город разглядел их:
в сибирских валенках-пимах
и полушубках белых.

2

...Сквозь толщу двух десятков лет,
как будто сквозь столетье,
я снова радостным согрет
звучаньем: «Триста третья».
Посланцы воинской родни
нам снова свойски милы:
почтить приехали они
солдатские могилы.
Сажает гости там, где бой
песок кровавил щедро,
тайги подарок дорогой —
пушистый стволик кедра.
Ловлю былых знакомцев взгляд,
но все они упорно
лишь на мальчишечку глядят,

ВЛАДИМИР МАМАЕВ

В двенадцать лет стал солдатом Великой Отечественной войны, воевал в минометном полку 2-й гвардейской армии, участвовал в освобождении Донбасса, Северной Таврии, штурме Перекопа и Севастополя, в боях за Прибалтику и Восточную Пруссию. Работает машинистом турбин Ново-кемеровской ТЭЦ. Автор поэтического сборника „Тишина.“

Шел бой,
Бой яростный и жаркий,
А на пригорке, у реки,
На хрупких ножках маки яркие
Тянули к солнцу лепестки.
Смерть лютовала, смерть косила,
Давила, мяла и мела...
Но не было у смерти силы,
Чтоб эти маки сжечь дотла!

1965

Т И Ш И Н А

Еще вчера была война,
Еще вчера гремело, охало,
А нынче зыбкая волна
О чем-то тихо шепчет около,
Как лист опавший, шелестит
И мирно лижет серый берег...
У моря человек сидит,
И человек еще не верит,
Что все прошло, что нет войны.
Что он живой, что он вернется.
От непривычной тишины
Он тихо плачет и смеется.
А море ласково шумит,
И волны плещутся о берег...
У моря человек сидит
И в тишину еще не верит

В СЕВАСТОПОЛЕ

Здесь каждый камень полит кровью,
Слезами скорбными омыт.
Стою, распят тяжелой болью,
У золотом тесненных плит.
Стою, как будто в забытии,
И вспоминаю, вспоминаю.
И, как подлодки, штурма дни
Из моей памяти всплывают
И, кто на чем, опять плывут
По бухте Северной ребята,
И снова с Графской пушки бьют,
И долбят воду автоматы.
...Рассвет. Над бухтой тишина.
Как кровь — роса на обелисках.
Для нас, живых солдат, война
Всегда была и будет близкой.

1974

ГОРЯЧИЙ СНЕГ

За кадром кадр, как вал девятый,
С экрана катит на меня.
И все про нас, про нас, ребята,
Про тот железный шквал огня,
Что принят был под Сталинградом
Бойцами армии второй.
Шли «тигры», словно на параде,
Утюжа снег и жизнь собой.
Так начиналось, друг, крещение
Для нас, безусых пареньков.
И, как тогда, опять волнение,
Опять в висках набатит кровь.
Соленый ком, как ком свинцовый,
Сдавил мне горло — как дышать?
Где ты теперь, комбат бедовый,
И ты, наводчик, Костя Надь?

А танки, словно вал девятый,
С экрана катят на меня,
И на броню идут ребята,
А у ребят... шинель — броня.

Руки матери — старые ветви.
Труд и скорбь иссушили их.
На ладонях глубокие меты,
Будто шрамы от ран боевых.
На ладонях...
А в сердце их сколько?
Трех сынов порешила война.
Носит мать эту боль,
 как осколки.
Носит в сердце печаль она.
Руки матери — добрые руки!
Я, безбожник, на них молюсь:
Завязались узлами муки,
И мне кажется:
 мать — это Русь.

1970

В Е Т Е Р А Н Ы

Вас трепали железные ветры,
Смерть и голод валили вас с ног,
Вам казались вечностью метры
Тех военных, суровых дорог
Тех дорог, по которым и ныне
В сорок пятый солдаты идут...
Ветераны, вы стали седыми,
Но, как прежде, почетен ваш труд.
Вы и есть тот державный
фундамент,
На котором Отчизна стоит.
У России не девичья память:
Она — мать. Мать не может
забыть!...

1973

ВЛАДИМИР ИЗМАЙЛОВ

Участник Великой Отечественной войны, автор нескольких поэтических сборников, изданных в Кемерове. Член Союза писателей СССР

...Увижу себя, как в колодце,
В минувшем, в его глубине,
И взрывом легко расколотся
Сегодняшней тишине.
И снова прямятся погонами
Мальчишечьи плечи мои,
И стонут, и стонут вагонами
Слепящие глаз колеи;
И песня вдоль рельсов каленых
Летит, задыхаясь, летит,
И юность моя — в эшелонах,
В стремительном грозном пути.

Ах, что там расстанные слезы
Любимых,
Сестер,
Матерей!..

Торопим в пути паровозы:
— Скорей же,
Скорей же,
Скорей!

Нам кажется: медленно едем,
Нам надо быстрее вдвойне
Не просто к сраженьям —

к Победе,

Не просто в сраженьях — в войне!

За все, что нам свято и дорого,
Покинув отеческий кров,
С высоким и чистым восторгом
Врываемся в битву миров...

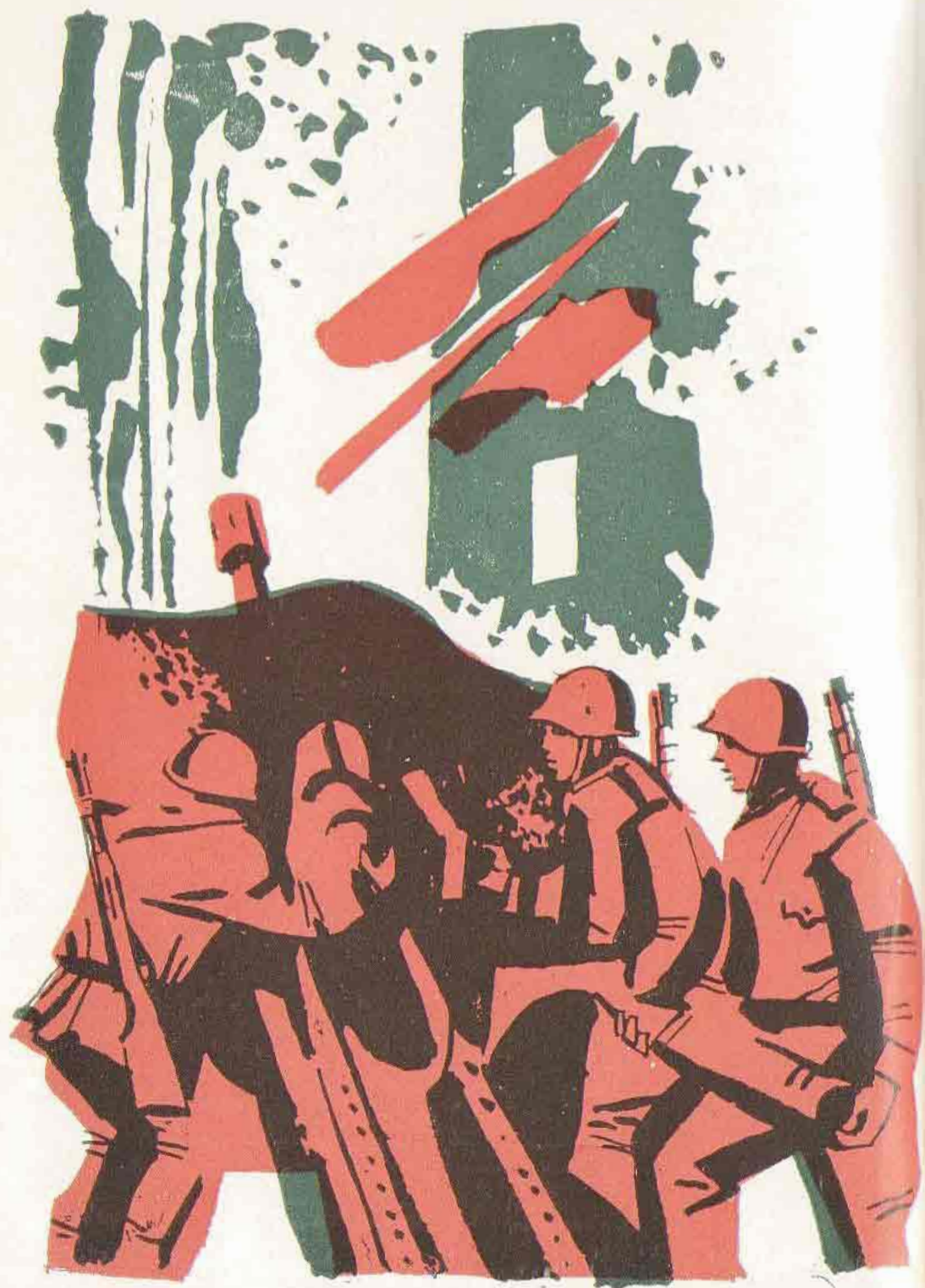
...Есть много примет возмужанья,
Но нет беспощаднее той,
Что губ полудетских дрожанье
Обрежет жестокой чертой,
Когда вся душа разгорелась
Доступной победностью битв,
Вдруг вспыхнет предсмертная

зрелость

Мгновенным прозреньем: — Убит!..

Но горькое это прозренье
Он, воин, уносит с собой,
Чтоб сверстники с гордым
презрением
Шли с собственной смертью на
бой.

1967

СОЛДАТ БЕЗ НАГРАД

Геройство на фронте не знало
преград,

Прекрасна судьба героя!

Но я — о тебе, солдат без наград,

Основа солдатского строя.

Герой был первым в огне атак,

А ты, не ища иного,

Просто — работал в бою, но так,

Чтоб не переделывать снова.

Ты перед смертью от страха не
млел,

Хоть первым в огонь не бросался,

Но рядом с тобою робкий смелел,

А трус даже трусить боялся.

Ты знаешь, что, если черед придет,
И ты с отвагой могучей
Бросишься грудью на дзот и на
дот!...
Да просто — не вышел случай.

Но только с тобой солдатский строй
Не приходил в расстройство,
И лишь на тебя опирался герой
Перед рывком в героismo.

...Про генерала, коль он боевой,
Про маршала — не забывают.
А я — о тебе, рядовым рядовой,
Ну — рядовой не бывает!
Ты, как с тяжелой работой, дружил
С отвагой, почти незаметной,
И даже лычки не заслужил
На свой погон «беспросветный».
И был ты поэтому не на виду,
А в массе солдатской плотной,
И с фронта принес лишь одну
звезду —
На пропотелой пилотке...

Когда про героя заговорят,
Я тоже славлю героя,
Но помню тебя, солдат без наград,
Основа победного строя.

1967

ЕВГЕНИЙ БУРАВЛЕВ

Во время Великой Отечественной войны воевал в частях Военно-Воздушных Сил и инженерных войск. Член Союза писателей СССР

Биография начиналась так:
В небо рвался багряный флаг,
Возвращались с гражданской
бойцы —

Наши будущие отцы.
Нас рожали в голодный год,
Лишь бы только продолжить род.
Нас выхаживали с рожка —
Были матери без молока...
А потом у знамен отцов
Мы клялись не упасть в грязь
лицом....

Биография начиналась так:
В день по восемь, по десять атак.

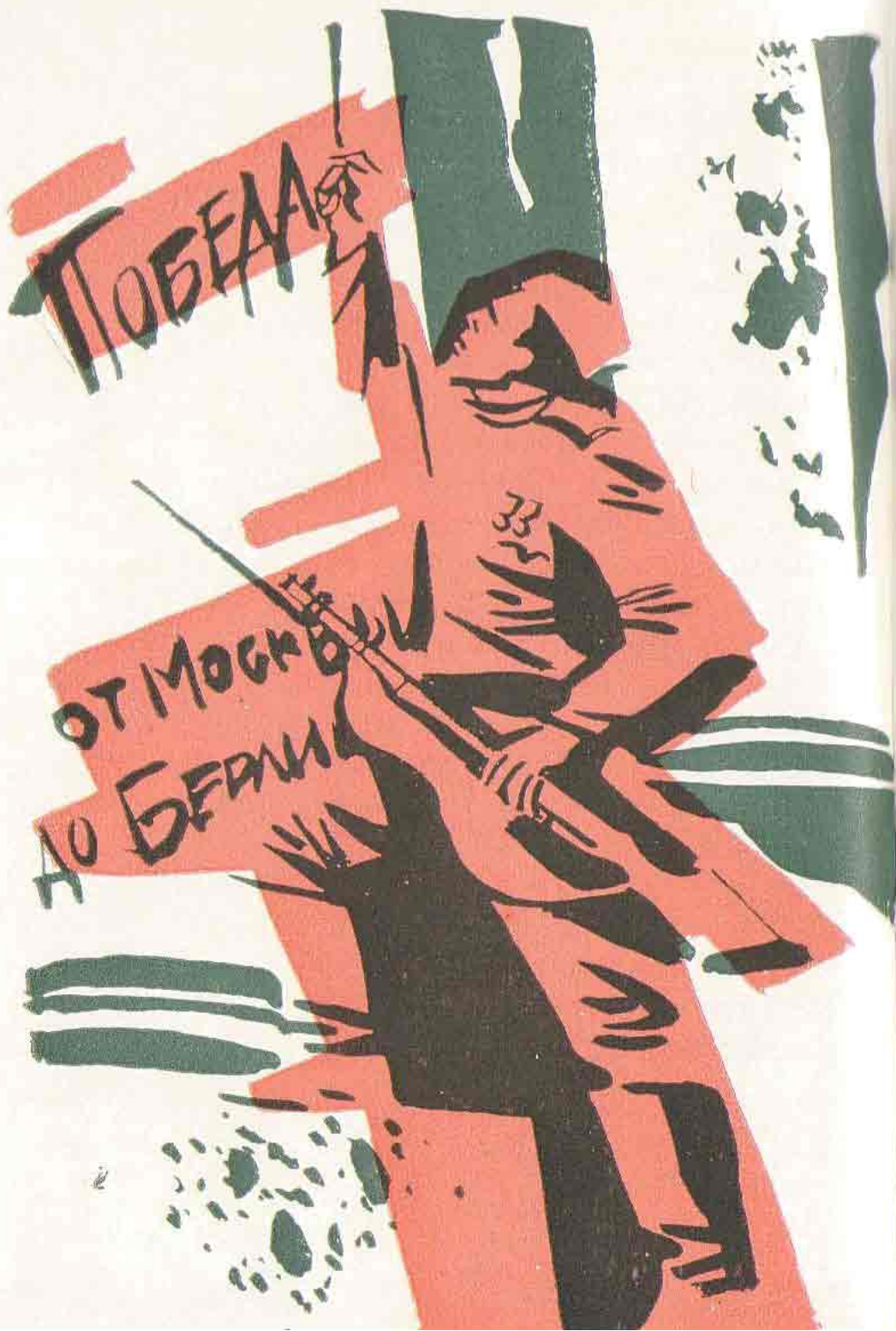
Биография начиналась так:
Со взрывчаткой бросались под
танк.

А потом — медаль за Берлин.
А потом — цеха, корабли,
Новостройки в рабочих лесах,
Ветер поисков — в паруса...

Биография начиналась так:
Был рабочим столом верстак.
А потом — из житейских былин
Книжки тоненькой первый блин.
Мы писали стихи не для тех,
Кто живет только ради утех,
Ради модных штиблет и рубак
И усмешечки на губах.

Пусть у нас ни двора, ни кола —
Лишь бы Родина вечно жила,
Лишь бы в сердце — завет отцов,
Лишь бы встречный ветер —
в лицо.

...И до самых седых волос
Мы работали на износ,
Не отсиживались в кустах:
Биография начиналась так!

Я вам жить завещаю...
(«Я убит подо Ржевом.»
А. Твардовский)

Узнаю тебя, друг,
по растоптанным и порыжелым
по твоим сапожищам,
отмерившим сотни дорог
за себя и за тех,
кто остался лежать подо Ржевом,
кто на подступах к счастью
в семнадцатом лег
Узнаю по ладоням,
за трудную жизнь отвердевшим,
по глазам,
ни в большом и ни в малом
не умеющим лгать,

по тому, как ни разу,
сославшись на климат на здешний,
не искал, как другие,
заморских земель благодать.
Да, и круто и солоно было,
не баловал ОРС нас харчами.
Нас всегда провожали,
но никто и нигде не встречал.
Нам всегда было трудно,
но кто-то же должен вначале
проторить первопуток —
иначе бы не было в жизни начал.
Нас не надо скликать,
нас не надо просить под нажимом,
если городу встать
в самом сердце сибирской тайги.
Нет, недаром отцами
завещаны нам, одержимым,
телогрейки
да эти вот порыжелые сапоги.
И когда кто-то к слову заметит:
мол, хватит уже вам
и поселков, и шахт,
и протоптанных вами дорог,
ты,
всегда подотчетен

перед тем, кто убит подо Ржевом,
спросишь мысленно совесть:
а все ли я сделал, что мог?

1971

Пусть вовеки живут
На земле пушкари.
Пусть орудия бьют
От зари до зари.
Пусть из звонкой трубы
Синеву пьет горнист —
Нашей трудной судьбы
Беспокойный министр.
Чтоб почувствовать вновь, —
Не в бою, не в огне, —
Как горячая кровь
Закипает во мне.
Пусть орудия бьют,
Пусть горнисты трубят,
В небо рвется салют
В честь меня, в честь тебя!

Не во славу побед,
Что с оружием берут, —
В честь дорог до планет,
В честь тебя, мирный труд!

1970

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВ

Известный советский поэт. Лауреат Государственной премии имени Максима Горького. Кемеровчанин по рождению. Во время Великой Отечественной войны работал на авиационном заводе.

Учитель
Через много лет
Прочтет вопрос
На детских лицах:
«Как обновлялся старый свет
В своих изломанных границах?
Чем наша Родина жила?
Кому судьбу свою вверяла?
А где тогда Сибирь была —
Все там же,
За хребтом Урала?»

И, давней битвы
Рваный след
Спокойно обведя рукою,
Он скажет:
«В дни народных бед
Сибирь стояла под Москвою».

1941—1945

ТРИ ЖИЗНИ

Памяти Ивана Смолякова—
героя Великой
Отечественной войны

Вместе когда-то мы бегали в поле,
Вместе когда-то учились мы в
школе,
В новосибирском рабочем
предместье
Первую жизнь начинали мы вместе.

Если спокойно подумать
о прошлом,
Был он, по-моему, просто
хорошим.

Мы за него —
Как не верить такому! —

Честью своей поручились
райкому
И, не гадая о доле героической,
Другу вручили билет
комсомольский.

Выпало нам
В постоянной заботе
Мастеровать в дни войны на
заводе;
Выпало другу
По долгу гражданскому
Стать на Дону вожаком
партизанским.

Не был потерян и не был забыт
он,
Был он фашистами насмерть
запытан.

Жизни второй
Нам никто не дарует,
Мы же ему сотворили вторую:
Пусть истребителем,

Пусть монопланом —
Стал он опять
Смоляковым Иваном.

Сотни и тысячи юных рабочих
Стали на вахту в бессонные
ночи —

Первые сутки.
Вторые и третьи
Отдали мы
Одному на бессмертье.

Он улетел в сорок пятом к
Берлину
И не вернулся, — наверное,
сгинул.

Сгинул ли?
Смерти герой не боится —
Дважды погибнет
И трижды родится.
Други-ровесники
к тридцатилетью,

Зная две жизни,
Дадут ему третью.

Жить ему в песне!
Наверно, не даром
Мир награждает нас песенным
даром.

1941—1945

НА БЕРЕГУ

Бегут круги,
Кружки,
Кружинки...
Мальчонки взмахами уды
Золотобокие кувшинки
Вытаскивают из воды.

Мне слышно,
Как они смеются,
И видно:
На волне крутой
Большая лилия, как блюдце,
Наполнилась живой водой.

Открылись розовые стоки.
Как будто,
Лилию клоня,

Пахучие земные соки
Переливаются в меня.

Все поражает новым смыслом.
Вон девушка,
Моей под стать,
Качается под коромыслом,
Чтобы воды не расплескать.

Все видится
В ином значенье.
Вон легкий ветерок повлек
По серебристому теченью
Кружащий селезнем валеж.

А женщина,
Снимая с плахи,
Развешивает на кусты
Не очень новые рубахи
И очень свежие холсты...

И, может быть,
Моих открытий
Глухому сердцу не понять.
Войной оборванные нити
Соединяются опять.

В душе
Ни боли,
Ни страданья,
В душе зажегся робкий свет.
Как долго шел я на свиданье,
Отложенное на пять лет.

Но сердце многого не знает,
Когда у тихих берегов,
Стуча,
Само напоминает
Забытый звук ее шагов.

Давно их нет.
За датой дата
Проходит в памяти...
Прогнать?!
Нет, все, что я любил когда-то,
Я не могу не вспоминать.

1941—1945

ДВЕ СТАЛИ

Их взяли
Тронутыми гарью
На поле, выжженном дотла,
Одна была немецкой сталью,
Другая русскою была.

Но сталевары
С равной честью,
Свою лишь взглядом отличив,
Две стали положили вместе
В огонь мартеновской печи.

Война!
Она и сталь калечит.
Мартен — как госпиталь, и в нем
Ее, изломанную, лечат,
Ей возвращают жизнь огнем.

Чужая сталь,
С ее виною,
С позорной метою креста,
Омытая целебным зноем,
Как наша,
Стала вдруг чиста.

Чиста,
Как в первое плавление,
Когда она перед войной
Еще ждала предназначенья
Стать трактором и бороной.

И потому
Не странно даже,
Что, становясь все горячей,
Она, чужая,
Вместе с нашей
Сливается в один ручей.

1943

ЗАВЕЩАНИЕ

Солдат,
Приподнимаясь над постелью,
В предсмертный час
Для сына диктовал:

«Передаю тебе родную землю,
Которую я вновь отвоевал.

Чтоб не посмел
Никто ее обидеть,
Ты, продолжая славный путь
отца,
Расти большим,
Чтоб всю ее увидеть,
Понять ее душою до конца.

Пиши, сестра, пиши...
Наш край метельный,
Где ты родился, —
Так и напиши, —
Умей любить
Любовью беспредельной,
Умей любить
Всей нежностью души.

Смотри, мой сын,
По капле не разлейся,
Но, жизнь, и труд,
И славу любя,
Ты мужеству учись
И не надейся,
Что кто-то будет думать за
тебя.

Настанет время,
И дорогой вешней
По волнованью луговой травы
Ты в жизнь пойдешь,
Не выходи без песни,
Не опускай веселой головы.

Она подарком не дается свыше,
Умея жить и все одолевая,
Я сделал все,
Чтоб ты ее услышал,
Узнал ее и смог завоевать.

Чтоб в трудный час
Любого испытанья
Ты верности в груди не погасил...

Писал в минуту ясного сознания
И в полноте моих душевных сил».

1941—1945

СОДЕРЖАНИЕ

В огне рожденная строка

Георгий Доронин

«Страна родимая — Россия!..»	6
«Был день по-летнему погожий...»	8

Владимир Чугунов

«Над головою пуля просвистела...»	10
«Все распри сводятся на нет...»	13
В разведке	15
Посиделки	18
Счастливый путь	20
Светлана	22
После боя	24

Николай Тихонов

Баллада о трех коммунистах	25
----------------------------	----

Тревожное эхо военной грозы

Михаил Борисов

«Лежат друзья на старых рубежах...»	34
«Над Прохоровкой снова тишина...»	35
«Наверно, все дело в начале!...»	39
Курская дуга	41
На дорогах войны	43
«Былых друзей ищу не первый год...»	45

Михаил Небогатов

Старый солдат	46
«Случайно в мемуарах генерала...»	52
На переднем крае	54
«Война не только все губила...»	56

Владимир Гордейчев

Триста третья (из поэмы)	58
--------------------------	----

Владимир Мамаев

«Шел бой...»	61
Тишина	62
В Севастополе	63

Горячий снег	65
«Руки матери — старые ветви...»	67
Ветераны	68

В л а д и м и р И з м а й л о в

«Увижу себя, как в колодце...»	69
Солдат без наград	73

Е в г е н и й Б у р а в л е в

«Биография начиналась так...»	76
«Узнаю тебя, друг...»	79
«Пусть вовеки живут...»	82

В а с и л и й Ф е д о р о в

«Учитель через много лет...»	84
Три жизни	86
На берегу	90
Две стали	93
Завещание	96

Коллектив авторов

ГРЕМЕЛИ БОИ

Стихи

Редактор

Л. В. Г л е б о в а

Художественный редактор

Г И К р а в ц о в

Технический редактор

Г В. А д о в а

Корректоры

Н. А. Лысенко, В. А. Волкова

Книгу набирали:

Анисимова К. П.
Труханова В. И.

Верстала:

Полкова Е. М.

Печатала:

Федотова З. И.

Переплетала:

1-я бригада переплетчиков

Сдано в набор 4.IX.1974 г. Подписа-
но к печати 14.I.1975 г. Формат
60X90¹/₆₄. Бумага мелованная.
Усл.-п. л. 1,64 Уч.-изд. л. 2,34. Ти-
раж 5000. ОП 00003. Заказ 8389. Цена
50 коп. Кемеровское книжное изда-
тельство. Кемерово, Ноградская, 5.
Кемеровский полиграфкомбинат. Ке-
мерово, Ноградская, 5.

